

Проснувшись, Жун Тин был до сих пор слегка ошарашен. Он сел прямо, внезапно вспомнив вчерашнюю лихорадку матери-императрицы. Как он мог уснуть? Как там мать-императрица? Он поспешно отбросил одеяло и спрыгнул с кровати. Даже не удосужившись надеть тапочки, мальчик направился напрямик в спальню матери-императрицы.

Сун Хайпин не спал всю ночь, из-за чего мешки под глазами стали еще более заметны. Он зевнул и еще раз проверил температуру дочери. Увидев, что лихорадка прошла, мужчина облегченно вздохнул.

Он был так стар, но все равно ночь не спал, когда узнал о лихорадке собственной дочери.

Распахнув глаза, Сун Юйань почувствовала головную боль и дикую сухость во рту, еще не зная, насколько у нее бледное лицо. Она непонимающе оглядела комнату и заметила тревожно разглядывающего ее Жун Тина, что стоял у кровати в своей желтой пижаме. Сун Юйань была заметно удивлена, а ее лицо выражало такое замешательство, что Жун Тин сам застыл и даже слегка испугался. Он вопросительно взглянул на девушку:

— Мать-императрица?

Она раньше ходила к психологу, но это был настолько странный опыт, что она никогда не открывалась врачу.

Тот рассказывал ей, что у человеческого тела есть определенная функция самосохранения. Если мозг не может выдержать некоторые воспоминания, это вызовет амнезию.

И если медленно ее лечить, при хороших условиях Сун Юйань технически могла вернуть воспоминания.

Конечно, была и другая возможность. Если бы что-то спровоцировало ее мозг, утерянные воспоминания бы тоже вернулись.

Сун Юйань уставилась на Жун Тина. Она не хотела моргать, боясь, что, если она это сделает, ее ребенок исчезнет. Она боялась, что все это было всего лишь сном.

Услышав голос Жун Тина, Сун Юйань выбралась из кровати и, не думая, присела перед ним. Увидев непонимающее выражение лица мальчика, она притянула его в крепкие объятия. словно боясь потерять его, она прижала его к себе с невероятной силой. Сун Юйань помнила все, всю свою жизнь в древние времена. В октябре она родила ребенка. Своего собственного ребенка. Будучи у нее в животе, он испытывал все ее эмоции.

Когда Сун Юйань ушла, он был еще таким маленьким. Он даже не научился ползать и только разглядывал мать своими большими глазами. А иногда, шая, мог случайно надуть носом пузырь.

А теперь он был таким большим. Пока Сун Юйань его не видела, он вымахал в маленького человечка.

— Прости... — едва Сун Юйань заговорила, ее глаза заволокла пелена слез. Она прикусила бледную губу и повторила: — Прости меня, пожалуйста, прости, мать-императрица не хотела...

Сун Юйань внезапно поняла, почему потеряла все воспоминания. Это было не из-за какой-то травмы, как ей раньше казалось. Она невольно перенеслась в дом, которому принадлежала так долго, но не смогла взять с собой ребенка, о котором заботилась больше всего на свете. Если бы она не потеряла память, как бы она, как мать, справилась с тем, что потеряла ребенка? Как бы она справилась с тем, что больше никогда не сможет увидеть своего сыночка? Вряд ли она бы это пережила.

Хоть Жун Тин не совсем понимал, за что Сун Юйань перед ним извиняется, от вида так жалобно плачущей матери у него заболело сердце. Подняв руку, чтобы обнять ее, мальчик прижался к её плечу и тихо успокоил:

— Все хорошо, мать-императрица, все хорошо.

Неизвестно, сколько прошло времени, когда Сун Юйань наконец смогла отпустить Жун Тина. Едва отсев, она заметила Сун Хайпина, и ее глаза вновь увлажнились. Едва успокоившись, она хрипло произнесла:

— Папа, мне что-то не очень хорошо.

Для Жун Тина она была матерью.

Для Сун Хайпина она сама была ребенком.

Сун Хайпин больше всего дорожил своей дочерью. В этот момент, услышав ее жалобный голос, он мгновенно заволновался:

— Ни слова больше. Скорее собирайся, отец отвезет тебя в больницу!

— Нет, все нормально, — Сун Юйань не хотела заставлять отца волноваться, особенно, когда внук и его дедушка так обеспокоенно ее разглядывали. — Я правда в норме. Не хочу ехать в больницу.

Хоть Сун Юйань и подтвердила, что чувствует себя нормально, Сун Хайпин не мог перестать бояться.

— Не ходи в больницу ближайшие два дня. Прошлой ночью в тебя будто вселился злой дух. Ты

говорила, что кто-то спрыгнул с крыши Народной больницы вчера. Ты сама это видела?

Сун Юйань вспомнила вчерашнюю лужу крови и мяса и попытку самоубийства наложницы Ли. Ее взгляд потемнел, но, подняв голову, она улыбнулась:

— Нет, просто слышала от кого-то на улице. Я не видела.

— Тогда хорошо, — Сун Хайпин облегченно выдохнул. — Но я все равно попрошу великого мастера поджечь благовония и прогнать злых духов.

Сун Хайпин поспешил в Народную больницу и рассказал о Сун Юйань. Услышав о случившемся, ее дедушка очень захотел покинуть больницу, чтобы повидаться с ней. Если бы доктор Мэн не остановил его, на столе главврача уже спустя несколько часов бы возникло заявление о выписке.

Сун Юйань не хотела валяться в кровати после восстановления. Следующие два дня, раз ей не нужно было посещать больницу и составлять компанию дедушке, она сосредоточилась на покупке продуктов и готовке еды для Жун Тина, погружившись в повседневную жизнь.

Теперь невероятно искренняя преданность Сун Юйань стала еще и попыткой загладить вину за все те годы, что ее не было рядом. Жун Тин, о котором слишком заботилась мать-императрица, чувствовал, что что-то не так. Хоть мать-императрица и восстановилась, а ее лихорадка прошла, он заметил, что Сун Юйань улыбалась гораздо меньше.

Следующим утром Жун Тин встал пораньше и, пока мать-императрица еще спала, пробрался на кухню и выучил рецепт приготовления рисового отвара.

Жун Тин обнаружил желтое просо в шкафу и небольшую табуретку. Стоя на ней, он тщательно промыл рис, согласно рецепту добавил необходимое количество воды и нажал кнопку с надписью «отвар». Уголки губ мальчика подсознательно потянулись вверх. Несколько гордясь собой, Жун Тин подумал: «А ведь готовить не так уж и сложно». Кажется, ему все было «не так уж и сложно».

Воодушевленный своими кулинарными навыками, Жун Тин решил приготовить яйца всмятку. Хоть мать-императрица и не позволяла ему пользоваться газовой плитой, он долгое время наблюдал за ней и уже давно понял, как ее использовать. Никаких проблем возникнуть не должно.

Жун Тин щелкнул пальцами и произнес:

— Значит, уже есть рисовый отвар и яйцо всмятку. Мать-императрица любит острую пищу,

получается, остались только маринованные листья горчицы. Вот так!

Когда Сун Юйань проснулась, Жун Тин уже ровно сидел на стуле с выражением лица «я хочу, чтобы меня похвалили и сказали, какой я молодец, но старательно это скрываю». Прочистив горло, он произнес:

— Мать-императрица, тебе стоит зайти на кухню. Там, кажется, завелись тараканы.

Услышав слово «тараканы», Сун Юйань лишь подняла бровь, не поколебавшись. Она знала, что это конец. Быть матерью — значит полностью отречься от прошлой подростковой жизни. Раньше, живя в общежитии, она бы заверещала от страха, увидев таракана в ванной. А теперь, если ее сын пожаловался на насекомых, она должна бесстрастно войти на кухню и прикончить их. Она устроит этим тараканам публичную казнь за то, что посмели напугать ее сына.

Сун Юйань взяла тапочек и несколько салфеток и зашла на кухню. Никаких тараканов там не обнаружилось, зато послышалось пиликанье рисоварки, оповещающее, что каша приготовилась; кроме того, в кастрюле для супа она заметила яйца всмятку. Сун Юйань была ошарашена.

Жун Тин выглянул из-за ее спины:

— Мать-императрица, я голоден. Хочу позавтракать.

Сун Юйань обернулась, до сих пор слабо веря в то, что видит.

— Это ты приготовил:

Губы Жун Тина изогнулись в улыбке:

— Ага.

Прежде чем он договорил, послышался недовольный возглас матери-императрицы:

— Что я тебе говорила насчет использования плиты? Ах, она же такая опасная! И эти яйца! Что, если бы ты обжегся кипятком?

— ...

Сун Юйань увидела, как Жун Тин молча понурил голову. Хоть она не видела его лица, она могла почувствовать расстройство и уныние.

На сердце у Сун Юйань потеплело от мысли о том, что ее сын переживал за нее и проснулся пораньше, чтобы приготовить ей завтрак, чтобы обрадовать и выудить похвалу. Подумав об этом и вспомнив пять лет разлуки, Сун Юйань погладила Жун Тина по волосам, а ее голос сделался заметно мягче:

— Гугу, ах, спасибо тебе. Я просто волнуюсь, что с тобой что-то случится, ведь тогда я очень расстроюсь. Твой рисовый отвар, который ты для меня сделал, так приятно пахнет! Выглядит гораздо вкуснее, чем тот, что я готовлю обычно.

После ее слов настроение Жун Тина тоже улучшилось, но он все равно, надувшись, произнес:

— Мать-императрица, не стоит так бессовестно разбрасываться словами.

— Но я не вру, ах, я считаю, что приготовленный тобой рис очень вкусно пахнет! И яйца всмятку тоже неплохи!

За столом Жун Тин взглянул на уставшее лицо Сун Юйань и тихо произнес:

— Мать-императрица, ты, должно быть, очень счастлива.

Он не знал, что случилось — в конце концов, мать-императрица ему не рассказала, — но чувствовал, что счастьем там и не пахнет.

Сун Юйань выглядела ошеломленной. Она крепко сжала ложку и тут же улыбнулась:

— Да.

На второй день Сун Юйань приготовилась отправиться в больницу. Она знала, что всем ее кузинам было чем заняться, а дедушке в больнице одному, должно быть, очень скучно. Кроме того, Сун Юйань очень надо было прогуляться. Когда Жун Тин успокоился, она вышла. В этот Новый год выдалась отличная погода. Солнце сияло на небосводе, а ведь было всего девять утра. Сун Юйань покинула лифт и направилась в коридор, чувствуя приятное тепло от окружающих ее лучей солнца. Затем девушка выглянула во двор, где полная энергии молодежь устраивала утренние пробежки, люди постарше выгуливали собак, а старики готовились вместе отправиться в парк, чтобы позаниматься...

Сун Юйань потянулась и с улыбкой вдохнула свежего утреннего воздуха.

Все плохое уже прошло, оно ведь все уже в прошлом, не правда ли?

Некоторых людей и некоторые вещи она никогда не забудет, но если они так влияют на ее нынешнюю жизнь, после возвращения домой в знакомые времена, то чем ее жизнь отличается

от заточения во дворце?

Время в больнице пролетело мгновенно. В полдень, вернувшись домой, Сун Юйань едва припарковалась, как заметила Жун Хэна у клумбы.

Она до этого представляла, как тот будет выглядеть в современной одежде с короткими волосами, но то были только представления и не более.

Спустя столько лет он выглядел так же, как когда они впервые встретились. Жун Хэн, видимо, никогда не менялся, будь то его внешность, характер или привычки.

Иногда Сун Юйань было смешно об этом думать. Она впервые в жизни поняла смысл слова «судьба». В древние времена он ее привлекал, а в современности... до сих пор привлекал. Прошло столько лет, а она не поменялась. Осталась такой же глупой.

Сун Юйань пришла в себя, только когда Жун Хэн подошел к ней вплотную. К своему удивлению, та осталась совершенно спокойна, даже не изменилась в лице.

— Ты здесь. Обедал?

Жун Хэн держал в руках красиво упакованный подарок, а рядом с клумбой обнаружилась огромная картонная коробка. Ему казалось, что он не видел Сун Юйань безумно долго, но на самом деле прошло не более нескольких недель. В этот момент он неожиданно занервничал:

— Еще не успел.

— М-м. Ну, тогда давай вместе пообедаем. Гугу хочет хот-пот. Он постоянно твердит мне об этом.

Сун Юйань вошла в здание и нажала кнопку вызова лифта. Жун Хэн поднес картонную коробку к дверям лифта и испытал что-то необъяснимое. Должно быть, он слишком давно не виделся с Сун Юйань.

Увидев, как тот застыл, девушка слабо улыбнулась:

— Не зайдешь?